

Кир Булычев
ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Цикл “Институт экспертизы”

ebooks@prospekt.org

Детективная история

– У меня лично, – сказал лаборант Саня Добряк, подходя к зеркалу полюбоваться первыми в жизни усами, – у меня лично нет никакой уверенности.

– Ну и слава богу, – сказала Лера. – Был бы ты, Саня, во всем уверен, наука бы остановилась.

– Правильно, – согласился Саня. – Меня держат в науке для сомнений. Представьте себе, что у Гойи был слуга. Готовил ему холсты и натягивал на подрамники. Вот молекулярная собака и берет его след. Реально?

– Реально. Ты же знаешь, что мы взяли полотна с промежутком в двадцать пять лет. И комплекс совпал.

– Слуга всю жизнь натягивал холсты.

– А Гойя до них не дотрагивался?

– Гойя, как настоящий сеньор, не снимал перчаток. Вы сегодня пойдете?

– Куда?

– Не притворяйтесь, Калерия Петровна. Зачем прическу сделали?

– Ты о вечере встречи?

– В ресторане собираетесь?

– В ресторане.

– Счастливая вы женщина, Калерия Петровна. Работаете со мной, а после работы ходите в рестораны с другими. Жду не дождусь, когда пройдет двадцать лет со дня, как я окончил школу.

– Зачем торопиться?

– Стану я к тому времени скромным доктором наук. Приду к своим сверстникам. Один – шофер, другой – официант, третий – в младших лейтенантах застрял. А ты кто, Саня Добряк, спрашивают меня. Ты же в школе посредственно учился. А я отвечаю – служу доктором наук в Институте экспертизы под началом академика Калерии Данилевской.

– Остановись, несчастный, не мешай работать. Ты сначала заверши высшее образование и научись правильно писать слово «ассоциация».

– А я неправильно его написал?

– Через одно «с».

– Опечатка. Не обращайтесь внимания. А много там ваших собирается?

– Много.

– Вы их давно не видели?

– Кого как. Некоторых со школы. Помолчи немного.

Саня помялся немного, придумывая себе дело, хотя было достаточно настоящих, которыми давно бы следовало заняться.

– А вы в классе кого-нибудь любили? – спросил он как раз в тот момент, когда Лера решила, что он угомонился.

– Любила.

– И я, – сказал Добряк. – Только безответно. А вы его потом встречали?

– Я вышла за него замуж.

– Ложь. Женская ложь. Ваш супруг, простите, мне известен. Вы с ним в институте познакомились. Его зовут Олегом.

– Ты уличил меня, Саня. Нет, после школы мы не виделись.

...Лариса Ривкина зря придумала проводить вечер встречи в ресторане. Она почему-то решила, что все тут же сбегутся, движимые сентиментальными воспоминаниями. Звонили по цепочке, кто кого видит, почти всех нашли, все согласилось прийти. А пришли только семнадцать человек. Отлично бы уместились у той же Ларисы, живет одна в двухкомнатной квартире.

Лера опоздала почти на час – пришлось посетить профсоюзное собрание. На собрании она старалась слушать оратора из кассы взаимопомощи, там назревал скандал, а думала о том, что молекулярная собака упорно отказывается брать комплекс Танеева. Почти наверняка – Танеев, а идет совершенно незнакомый комплекс. Липатов уверяет, что это – Скрябин. Ну при чем тут Скрябин? Явная подделка. Она рассуждала о неудачном комплексе, чтобы не думать, придет ли на вечер Иван. Лучше бы не приходил, хотя она знала, что без него вообще пропадет смысл этого вечера.

Друзья детства сидели за длинным, неудобно, чуть ли не посреди зала стоявшим столом. Тридцать мест, шестнадцать человек. При виде Леры поднялся шум, даже неловко было идти через зал, от других столов оборачивались – то ли кинозвезда, то ли обретенная родственница. За столом все ощущали себя родственниками, за

двадцать лет забыли, кто был ябедой, кто трусом, готовы были простить жизненные неудачи и даже успехи.

Лариса кричала громче всех:

– Сюда, Лерка, ко мне, тут место есть!

Лера послушно уселась рядом, хотя меньше всего хотела бы провести вечер между Ларисой и Махоньковым. Ларису она и без того видела трижды в неделю, а в промежутках выслушивала по телефону подробные описания сердечных неудач. Махоньков раздобыл, поверх крепкого живота галстук в зигзагах, только что из Сенегала, и «Волгу» купил, импортный вариант.

Задерганная соседями, Лера не сразу увидела Ивана. Хотя сидел он почти напротив. Стоял шум, что возникает после третьей рюмки. Раздражала отчужденность длинного ресторанного стола, где приходится кричать и ловить выкрики, иначе ты обречен весь вечер выслушивать лихорадочный шепот Ларисы, потому что Он ее бросил, вернее, не бросил, но вчера не позвонил, вернее, позвонил, но говорил таким голосом... а как ты думаешь, может, Его жена была рядом и Он вынужден был говорить таким голосом? Тут же Махоньков отечески трогает за коленку и сообщает, что «у нас в Сенегале убийственный климат»... Ах, у вас в

Сенегале климат! Очень приятно.

Субботин – он всегда был такой худенький, нечесаный, любил только литературу, а занимается автоматическими системами и растолстел. А рядом Войтинский, майор. Неужели столько времени прошло, что Войтинский стал майором? Майор в тридцать семь, когда же он станет генералом? Иван встретился с Лерой взглядом и неуверенно улыбнулся, словно они расстались вчера. Он совсем не изменился, только отпустил длинные волосы. Ему совершенно не идут длинные волосы. Будь она его жена, никогда бы не позволила...

Лера попыталась мысленно поменять Ивана и Войтинского одеждой. Как Ивану майорские погоны?

– Ты меня не слушаешь? – Лариса дернула ее за рукав.

– Ну, мальчики-девочки, – громко сказал Войтинский. – Вот мы и встретились после долгого перерыва. Кое-кто возмужал, я – в первую очередь (общий смех), кое-кто расцвел – то есть все наши девчата без исключения...

Махоньков наклонился к Лере: